

РОЛЬ СКРЫТЫХ КАТЕГОРИЙ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ
ГРАММАТИКИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В. Т. Титов, А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 октября 2009 г.

Аннотация: *обсуждается практика выделения скрытых категорий в грамматике. Предлагается программа исследования скрытых грамматических категорий в романских языках.*

Ключевые слова: *скрытые категории грамматики, лингвистическая типология, романские языки.*

Abstract: *the paper discusses the principles of detection of covert categories in grammar. The program of covert categories research in Romance languages is offered.*

Key words: *covert grammatical categories, linguistic typology, Romance languages.*

«Но скрытая грамматика менее всего паллиатив, к которому прибегают языки, не имеющие «подлинных форм». Все больше и больше данных указывают на то, что грамматика этого типа заложена в природе любого языка и что именно она является основой всякого грамматического строя» (Кацнельсон С. Д., 2002, с. 79).

Идея скрытой грамматики и скрытых языковых категорий присутствует в лингвистике, по меньшей мере, со времени становления общего языкознания в трудах Вильгельма Гумбольдта. Затем она развивалась в трудах А. А. Потебни [1, с. 61], А. А. Шахматова [2, с. 427–429], Л. В. Щербы [3, с. 64–66], А. М. Пешковского [4, с. 76]. В явном виде понятие скрытой грамматики и скрытых грамматических классов появилось, по-видимому, в XX веке в трудах Б. Л. Уорфа [5] и Э. Кошмидера [6, с. 19].

В отечественной лингвистике в наиболее явном виде она проявилась в трудах С. Д. Кацнельсона [7, с. 78–94], Ю. Д. Апресяна [8], Н. Д. Арутюновой [9], А. В. Бондарко [10], Т. В. Булыгиной [11, 12], В. Г. Гака [13], В. А. Звегинцева [14] и многих других.

Большое значение для теории языка имела работа Р. О. Якобсона «Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание» [15]. Она наметила путь к восстановлению единства языкознания, оказавшегося в XX в. разорванным на синхронное и диахроническое. Более того, она наметила путь к осознанию единства описательной и типологической лингвистики, что нашло отражение в трудах А. К. Жолковского и Ю. Д. Апресяна: «Как отмечает А. К. Жолковский, интересными для лингвиста являются те значения, которые хотя бы в некоторых языках являются грамматическими. Следова-

тельно, круг значений, которые должны стать предметом лингвистики, может быть получен, если собрать вместе так называемые грамматические значения самых разных языков; именно эти значения входят в структуру языка, независимо от того, являются ли они в данном языке грамматическими или нет» [16, с. 18].

К сожалению, при разработке скрытых категорий языка возобладала описательная (внутриязыковая) составляющая проблемы, а типологическая (межязыковая) составляющая, намеченная А. К. Жолковским [17] и Ю. Д. Апресяном [16, с. 18–19] в 1960-е гг., практически сошла на нет. Между тем взгляд А. Е. Кибрика на русскую грамматику сквозь «кавказские очки» позволил ему обнаружить в ней немало интересного, ускользавшего от зашоренной традицией взгляда русистов [18].

Например, Т. В. Булыгина и С. А. Крылов мотивируют выделение в русском языке скрытой грамматической категории «актуальность–узуальность» наличием пар *водится* (узуальность) – *находится* (актуальность), *питается* (узуальность) – *уплетает* (актуальность), *пьяница* (узуальность) – *пьян* (актуальность), *белый* (узуальность) – *белеет* (актуальность), а также невозможностью сказать **Я люблю ее сегодняшнюю прическу* при возможности сказать *Мне нравится ее сегодняшняя прическа*. [19]. Быть может, этому способствовал научный авторитет Т. В. Булыгиной и занятая ею позиция, совпадающая с позицией большинства влиятельных отечественных линг-

вистов: «Необходимым (и достаточным) условием для отнесения той или иной семантической категоризации к грамматическим криптотипам следует считать грамматический характер ее косвенного отражения» [11, с. 338].

Хотя словосочетание *грамматические крипто типы* открывает дверь для лексических крипто типов, оно закрывает дверь для грамматической типологии, оставляя крипто типы «внутренним делом» конкретного языка.

В этом отношении показательно следующее рассуждение Т. В. Булыгиной: «То, что стул не может не только пугаться, но и удивляться, сердиться, есть, любить и т.д., – это не разные совпадающие факты, отражающие внутриязыковую категоризацию, а один и тот же факт, являющийся частью всеобщего человеческого знания относительно «способностей» неодушевленных предметов. Аномальность предложения *Шум испугал мой стул* состоит не в нарушении сочетаемостных ограничений лексем *испугать* и *стул* (или класса лексем, объединенных общим значением), а в нарушении наших представлений о мире (с этой точки зрения, тот факт, что в английском языке тюлень и олень-мунтжак, но не, например, лисица входят в класс «лающих животных», носит в большей степени внутриязыковой характер)» [11, с. 337].

Противопоставление «наших представлений о мире» «сочетаемостным ограничениям лексем» представляется не более обоснованным, чем, к примеру, противопоставление сущности – явлению, а содержания – форме. Контрпродуктивность такого подхода состоит в его пресуппозиции: молча предполагается, что «представления о мире» – сами по себе, а «сочетаемостные ограничения» – сами по себе, и между ними нет никакой связи.

Тут мы солидарны скорее с У. Чейфом [20, с. 103], с которым полемизирует Т. В. Булыгина: неодушевленные предметы – грамматический класс, и типологически некорректно видеть доказательство существования этого класса только в невозможности сказать **купить чехлы машине*, **достать линолеум кухне*, **приобрести новый шрифт пишущей машинке* и т.п. [11, с. 337–338].

При таком подходе вне интерпретации остаются примеры следующего типа:

Весна, я с улицы, где *тополь удивлен*,
Где *даль пугается*, где *дом упасть боится*...

Научи, как ворочать
Языком, чтоб *растрогались*,
Как тобой, этой ночью
Эти *дрожки* и щеголи. (Б. Пастернак)

Перед нами явный пример зачисления в грамматический класс одушевленных существительных слов

тополь, даль, дом и *дрожки*. Разумеется, при этом поэт создает «иной мир», но делает он это посредством нарушения «сочетаемостных ограничений», и узнаем мы об этом исключительно из сочетаемости лексем.

Разумеется, категория одушевленности-неодушевленности не очень удачный пример хотя бы потому, что в русском языке эта категория имеет явное морфологическое проявление в формах винительного падежа.

Но следует обратить внимание на то обстоятельство, что противопоставление одушевленных предметов неодушевленным находит явное (фенотипное – по Б. Л. Уорфу) грамматическое выражение во многих языках мира. Ярким примером такого рода являются именные классы, выполняющие, как на это указывает В. А. Виноградов, не только классифицирующую, но и согласовательную функцию [21]. Эту идею В. А. Виноградова нам бы хотелось усилить терминологически: по существу, речь идет не только о пассивной привычно-констатирующей классификации, но и об активной креативно-творческой классификации существительных.

Так, аналогом «одушевленности–неодушевленности» является «разумность–неразумность» в тамильском языке [22, с. 173]. В теоретическом плане опыт осмысления именных классов для теории грамматики трудно переоценить. В. А. Виноградов пишет: «Существуют различные определения именных классов на основе формальных признаков; отличия между ними сводятся к большему или меньшему акцентированию синтаксического критерия – *согласования*» [22, с. 173]. Как известно, согласование – это «подчинительная связь... компонентов словосочетания, при которой в зависимом слове повторяются *граммемы* или часть граммем главенствующего слова» [23, с. 479]. В зависимости от формы проявления (морфемы или синтаксические конструкции) в грамматике различают морфологические или синтаксические категории [24, с. 117]. По существу, Т. В. Булыгина предлагает к фенотипам относить морфемно выраженные грамматические категории, а к крипто типам – синтаксически выраженные. Если лингвистика предполагает замкнуться в рамках грамматик конкретных языков, такой подход вполне приемлем; если же языкознание стремится быть не только частным, но и общим, столь ограниченное понимание скрытой грамматики едва ли продуктивно.

Об этом весьма убедительно свидетельствует опыт изучения именных классов в африканистике: «Д. Вестерман считал достаточным для определения именных классов морфологический критерий: 1) наличие групп существительных, объединяемых общим классным показателем (КП), 2) наличие двух серий, образуемых этими группами, – сингулярных классов

(выражающих ед. ч.) и плюральных классов (выражающих мн. ч.), причем для каждого сингулярного класса имеется некоторый плюральный. Это определение именных классов ориентировано на так называемые суданские языки, где согласование по классу между существительными и зависимыми от него словами выражено слабее, чем в банту; в бантуистике же основной критерий выделения именованного класса – согласовательный. Имеется и более гибкое определение именованного класса, исходящее из наличия любого (морфологического или синтаксического) средства выражения класса, т.к. есть языки, в которых именные классы в самих существительных являются скрытой категорией..., т.е. не имеют специальных показателей, но зато наличие именных классов проявляется в формах согласуемых слов (прилагательного, местоимения, числительного, глагола) или иным образом (например, синтаксической конструкцией, как в тамильском» [22, с. 173].

Особенно ценным в подходе В. А. Виноградова представляется помещение в один типологический контекст категорий рода, именных классов и счетных классификаторов (нумеративов): «Именные классы представляют собой менее грамматикализованную систему, чем род, но более грамматикализованную, чем так называемые счетные (нумеративные) классификаторы, известные ряду языков Северной Америки и Юго-Восточной Азии (например, тцетал, бирманский, вьетнамский и др.). Основное отличие систем счетных классификаторов от именных классов состоит в их нетаксономическом характере: они не разбивают имена на статичные классы, принадлежность имени тому или иному классу не является его постоянной характеристикой и не требует обязательного формального выражения в каждой фразе, проявляясь только в специальных счетных конструкциях с числительными. Семантические основания такой классификации обычно прозрачны (форма, размер, консистенция, расположение предметов); она остается преимущественно лексической и находится вне категории числа. Однако счетно-классификационная система может стать основой формирования именных классов, если классификаторы получают постоянное закрепление за определенными группами слов с дальнейшей их грамматикализацией» [22, с. 174].

По существу, В. А. Виноградов строит шкалу: счетные классификаторы – именные классы – род и указывает на наличие «зон перехода» на этой шкале. Более того, члены этой шкалы отличаются друг от друга не столько качественно, сколько количественно: у счетных классификаторов преобладает лексичность, у рода – грамматичность; у рода стабильность и жесткость – максимальная, у счетных классификаторов – минимальная. Пользуясь введенными выше терминами, можно сказать, что пассивная привычно-конс-

татирующая классификация существительных преобладает на «родовом» полюсе шкалы, а активная креативно-творческая классификация – на ее «нумеративном» полюсе.

Но даже на самом «жестком» конце шкалы остается место креативно-творческой классификации: ср. так называемые «окказиональные» родовые формы в русском языке (примеры из статьи И. А. Меркуловой): «*Пришла какая-то **фифа**, а с ней молодой **фиф***» (А. Приставкин); «*Ты кто? – **Фей!***» (из фильма); *Николай Цискаридзе – **прим** Большого театра* (из телепередачи); *Явлинский – политический **кокет*** (Ю. Бондарев); *Так хотелось, чтобы выплыл **русал** и забрал меня в самое синее море* (из телепередачи); *Как, ответь, твоя фамилия, **птиц**?* (А. Левин) [25, с. 100].

Б. Л. Уорф указывал на креативно-творческий характер скрытой (хотя и «не менее строгой», чем латинская) категории рода в английском языке: «местоимение согласуется только с именем, а отнюдь не с опытом. Я могу дать имя *Jane* автомобилю, скелету или пушке, и при соотнесении с местоимением возникает необходимость поставить *she*. У меня есть две золотые рыбки; я зову одну *Jane*, другую – *Dick*. Допустимо сказать *Each goldfish likes its food*, но невозможно *Jane likes its food better than Dick*. Я должен сказать *Jane likes her food*» [26, с. 49].

Даже смежность с числом на этой шкале является признаком постоянным. Утверждая, что нумеративная классификация «находится вне категории числа», В. А. Виноградов выносит за скобки то ключевое обстоятельство, что сами нумеративы употребляются исключительно в единстве с числительными, дающими, как и число, количественную характеристику предметов.

Такая лингвистическая идеология представляется в высшей степени продуктивной для типологического описания языков, поскольку задает общее основание для их описания.

За определение криптокласса можно принять (с некоторой модификацией) определение именной категории, предложенное В. А. Виноградовым.

Криптокласс – это лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющая соответствие в явной (морфемно выраженной) грамматической категории хотя бы одного языка мира.

В свете данного определения можно провести аналогию между криптоклассом и лакуной. Лакуна выявляется в языке лишь при сопоставлении с другим языком. Если в русском языке есть слово *однолюб*, а

во французском отсутствует эквивалентная ему лексема, есть основание говорить о лакуне во французской лексике. Криптоклассы – это, если угодно, грамматические лакуны, выявляемые при сопоставлении с языками, имеющими открытую грамматическую категорию.

С самого начала Б. Л. Уорф выделял криптотип как грамматическую лакуну – с опорой на язык, имеющий открытую категорию: «пример скрытой категории – это род в английском языке. Каждое существительное... принадлежит в нем к определенному родовому классу. Но специфическое формальное выражение родовых классов появляется, только когда есть возможность *соотнести данное существительное с личным местоимением единственного числа...* Грамматическая классификация здесь не менее строгая, чем в *открытой родовой системе типа латинской, где большинство существительных имеет родовой показатель*» [26, с. 47–48 – здесь и далее в цитатах курсив авторов]. Как видим, Б. Л. Уорф указывает не только на классификатор – личное местоимение *he, she, it*, но и на латинский язык, в котором род выражен флексией и является открытой категорией.

И это у Б. Л. Уорфа не случайный эпизод: «Классы, которые фактически или фиктивно основываются на форме объекта, могут быть в различных языках американских индейцев открытыми или скрытыми. В навахо это скрытые классы. <...> Показатель класса (так же как показатель рода в английском языке) имеет скрытую форму проявления; правда, в данном случае класс определяется не местоимением, а выбором определенного корня глагола, который употребляется с одним классом и не употребляется с другим, хотя есть много глагольных корней, не подвергающихся этому различию. Я не думаю, чтобы такие различия, по крайней мере в навахо, были в большей степени простым лингвистическим обозначением нелингвистических объективных различий, представляющихся одинаково всем исследователям, чем род в английском языке; скорее это скрытые грамматические категории. При изучении языка навахо следует запомнить, что слово «страдание» принадлежит к классу круглых объектов» [26, с. 48–49].

При выделении криптоклассов типологическое обоснование криптокласса, состоящее в соотнесении скрытой грамматической категории с открытой грамматической категорией в другом языке, для Б. Л. Уорфа принципиально важен: говоря об английском криптоклассе «названий стран и городов», он не ограничивается указанием на внутриязыковое проявление криптокласса: «эти имена не заменяются личными местоимениями с предлогами *in, at, to, from*. <...> Существительные из этого криптотипа заменяются на *there* или *here* вместо *in it, at it, to it* и на *from there*

(*here*) вместо *from it*. В различных языках американских индейцев такие топонимы представляют собой особый грамматический класс; в языке хопи они не имеют именительного и объектного падежей, выступая только в локативных падежах; в ацтекских языках топонимы имеют особые характерные окончания и не употребляются с некоторыми предлогами» [26, с. 50–51].

Таким образом, начиная с Б. Л. Уорфа важнейшим основанием выделения скрытой грамматической категории было наличие ее открытой версии в каком-то другом языке. Этот важнейший для теории грамматики принцип можно назвать **контрастивным принципом** выделения скрытых грамматических категорий.

Дальнейший прогресс грамматики невозможен без последовательной реализации этого принципа. Особое значение это имеет для прогресса в области изучения скрытых грамматических категорий в романских языках.

В отличие от германского и славянского, романское языкознание до сих пор недостаточно внимания уделяло выявлению и описанию скрытых грамматических категорий, без чего, как уже отмечалось выше, грамматическое описание языка не может быть полным. Счастливым, но едва ли не единичным исключением из этого правила являются работы нашего соотечественника В. Г. Гака [13].

Между тем контрастивный принцип позволил аспирантке ВГУ Е. С. Поповой под руководством В. Т. Титова выявить и описать во французском языке скрытую категорию ирреальности, обнаруживаемую при сопоставлении французского языка с абхазским, имеющим так называемое «призрачное» наклонение: «Глагольная форма, которая выражает призрачность явления, то, что мерещится, мнится, представляется, называется **призрачным наклонением**. Призрачное наклонение образуется при помощи суффикса *шэа*. <...> Употребляется во всех временах» [27, с. 122]. По своему содержанию призрачное наклонение в абхазском языке является оценкой высказывания говорящим с точки зрения соответствия–несоответствия его содержания действительности и способом маркирования высказываний, оценивающихся как не соответствующие ей, являющиеся плодом фантазии воображения. Ср. переводы абхазских предложений с глаголами в призрачном наклонении: «*Когда они подошли к дверям церкви, поп выходил; вначале они не успели разглядеть его, и им показалось, что якобы вышел святой Георгий; Мне кажется, будто я барышней стала, – сказала она; Мне мерещатся черти; Он так стоит, будто взлетит*» [27, с. 122] (разрядкой выделены слова, маркирующие ирреальность высказывания в русском языке).

Проанализировав разные типы французских текстов, Е. С. Попова выделила несколько типов маркеров скрытой категории ирреальности во французском языке.

Как было установлено, спектр средств маркирования во французском языке довольно широк и представлен грамматическими маркерами: 1) формы прошедшего времени кондиционала (*le conditionnel passé*); 2) вторая форма прошедшего времени кондиционала (*le conditionnel passé 2ème forme*); 3) формы настоящего времени кондиционала в значении прошедшего времени (*le conditionnel présent*); 4) формы имперфекта субьюнктив (*l'imparfait du subjonctif*); 5) формы имперфекта изъявительного наклонения (*l'imparfait de l'indicatif*); 6) союз **comme**; 7) союз **comme si**; 8) сравнительный оборот **tel (telle) un (une)**.

К лексическим маркерам ирреальности относятся слова и словосочетания: *paraître, sembler, faire l'effet de, avoir l'air, se figurer, s'imaginer, hanter, obséder, halluciner; merveille, miracle, prodige, étrangeté, étonnement, surprise; s'étonner, ne pas en croire ses yeux; étrangeté, bizarrement, inconcevablement; insolite, incroyable, extraordinaire, incompréhensible, frappant, etc.*

Ближайшую перспективу исследования скрытых грамматических категорий в романских языках составляют аналоги важнейших именных и нумеративных классов в языках Африки и Юго-Восточной Азии: форма (предметы, мыслимые как длинные, плоские, круглые, острые, нитевидные, древообразные, цилиндрические, замкнутые, разомкнутые, закрытые, открытые и т.д.), размер (большой–малый), консистенция (жидкое, текучее, твердое, ломкое, хрупкое, гибкое, пластичное вещество), расположение предметов (относительно друг друга).

Реализация изложенной выше программы поможет не только придать описанию грамматики романских языков необходимую полноту и законченность, но и вписать романскую грамматику в широкий типологический контекст языков мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. Т. I–II.
2. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова ; ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
3. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
4. *Пешковский А. М.* Избранные труды / А. М. Пешковский. – М., 1959.
5. *Whorf B. L.* Language, Thought and reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1956.
6. *Koschmieder E.* Beiträge zur allgemeinen Syntax / E. Koschmieder. – Heidelberg, 1965.
7. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и языковое мышление / С. Д. Кацнельсон. – 2-е изд., стереотип. – М. : УРСС, 2002.
8. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I : Парадигматика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2009 (Studia philologica).
9. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – Серия «Лингвистическое наследие XX века».
10. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л., 1978.
11. *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980.
12. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, 1982.
13. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В. Г. Гак. – 2-е изд. – М., 1986.
14. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М., 1976.
15. *Якобсон Р. О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание : пер. с англ. Н. С. Кубряковой и В. П. Мурат / Р. О. Якобсон // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1963. – Вып. III.
16. *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1967.
17. *Жолковский А. К.* Предисловие / А. К. Жолковский // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1964. – Вып. 8.
18. *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетей, 2003.
19. *Булыгина Т. В.* Скрытые категории / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
20. *Чейф У.* Значение и структура языка / У. Чейф. – М. : Прогресс, 1975.
21. *Виноградов В. А.* Введение : именные категории в языках Африки / В. А. Виноградов // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996.
22. *Виноградов В. А.* Именные классы / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
23. *Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.*
24. *Бондарко А. В.* Грамматика / А. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.

25. Меркулова И. А. Окказиональное в русском формообразовании / И. А. Меркулова // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания : XXVIII Распоповские чтения : материалы Международной конференции, посвященной 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф.

А. М. Ломова (Воронеж, 12–14 марта 2010 г.) : в 2 ч. – Воронеж : ВГПУ, 2010. – Ч. 1.

26. Уорф Б. Л. Грамматические категории / Б. Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972.

27. Грамматика абхазского языка : фонетика и морфология. – Сухуми : Аламара, 1968.

Воронежский государственный университет

Титов В. Т., доктор филологических наук, профессор, ректор

Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: a_a_kretov@rambler.ru

Тел.: (4732) 20-41-49

Voronezh State University

Titov V. T., Doctor of Philology, Professor, Rector

Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: a_a_kretov@rambler.ru

Tel.: (4732) 20-41-49